

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 63
(2117)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена редакционная статья «Пора стать индустриальной державой? Или еще не пора?», опубликованная в журнале «Эксперт», № 22, 30 мая – 5 июня 2022 года.

Вологда
июнь 2022

Пора стать индустриальной державой? Или еще не пора?

В начале 2000-х власть в России поставила задачу сделать страну энергетической сверхдержавой. Эта задача была решена, и плоды ее мы пожинаем сегодня. И сладкие плоды в виде невероятной стабильности нашей экономики в условиях экономической войны с Западом. И горькие – последствия хронического недофинансирования промышленного сектора и слишком дорогой цены на энергию внутри страны, которые привели к огромной зависимости от импорта. Однако если считать экономическую стратегию частью геополитического противостояния, то выбор в пользу энергетической сверхдержавы себя оправдал.

Сегодня, и это понятно очень многим хозяйствующим субъектам, пришло время поставить новую задачу. Россия должна стать индустриальной державой. Но сможем ли мы это сделать? И даже захотим ли? Пока такая задача «сверху» не спускается.

Ретроспективно на цифрах очень хорошо видно, как выглядит ситуация, когда стратегия принята и реализуется. В Советском Союзе было много энергии, но он не был главным энергетическим донором мира. Он отправлял на внешний рынок всего 14% производимой в стране энергии. Главным донором была Саудовская Аравия, которая отправляла на внешний рынок почти все. А вот с начала 2000-х, когда у нас была принята стратегия энергетической сверхдержавы, весь прирост производства энергоресурсов шел на экспорт, внутреннее потребление стагнировало. И к концу 2000-х Россия, приравнив объем производства в полтора раза, стала отправлять на внешний рынок уже половину производимой в стране энергии, покрывая 70% дефицита, формируемого, например, странами G7 или совокупностью таких азиатских стран, как Китай, Индия и Пакистан. При этом внутри страны мы имели постоянно растущие цены на тепло, электроэнергию и топливо (иногда существенно опережающие инфляцию). Все они формировались в привязке к мировым ценам на энергетических рынках, что, безусловно, негативно отражалось на промышленном росте. Но такова была цена выбора цели.

Зато. Зато сегодня, в условиях экономической войны, мы получили совершенно неожидан-

ную макроэкономическую картину. У нас крепкая валюта. У нас не возникло никакого намека на раскручивание инфляции: вторая неделя мая показала инфляцию всего в 2,6% в годовом выражении, а третья даже дефляцию. У нас растет денежная масса, а это признак наличия ликвидности для развития экономики. То есть сегодня, когда весь мир тревожится по поводу роста инфляции и дефицита самых значимых товаров – энергии и продуктов питания, Россия выглядит удивительно хорошо.

Этот парадоксальный результат есть следствие двух ключевых изменений. Масштабного падения импорта при сохранении экспорта и отсутствия возможности накопления капитала в иностранной валюте в любом виде: ФНБ, валютных счетов банков и физических лиц, в России или за границей, все равно. То есть если рассматривать Россию как компанию, то она оказалась в ситуации, когда есть что продавать, нечего покупать и негде копить. Что делать?

В теории такая ситуация называется тезаврацией активов, и ведет она к инвестициям в основной капитал. Деньги накапливаются, накапливаются, их цена снижается, и в конце концов они начинают инвестироваться в промышленный капитал, так как эффективность накопления денег становится ниже эффективности их вложения в новые промышленные активы даже с учетом рисков. И тогда начинается промышленный рост. Опять же в теории этот эпизод от накопления до роста занимает примерно год. Столько времени занимает оценка новой ситуации, принятие ее как тренда и выработка инвестиционных планов. Так что если мы будем жить по теории, то следующей весной мы должны войти в цикл роста. Желательно роста российской индустрии по очень широкому кругу отраслей.

Что может этому помешать? Принятие другой стратегии. Учитывая колоссальный вес прямых государственных решений в выборе целей, которые проявляются через распределение бюджета и самые разные налоговые механизмы, выбор стратегии на уровне государства имеет первостепенное значение. Создание индустриальной экономики может быть сочтено невозможным – слишком технологически неразвиты, луч-

ше купим у Китая, Индии или Турции. Или слишком объемным: мы никогда столько заводов не построим. Может быть отдан подавляющий приоритет инвестициям в освобожденные территории, как обычно (для таких инвестиций) мало контролируемых с точки зрения эффективности использования средств. Можем вернуться к энергетической стратегии – благо дефицит энергии в мире надолго.

Сегодня все отраслевые ассоциации обивают пороги правительства, стремясь доказать свою значимость для решения задач импортоза-

мещения. Но пока стратегия именно индустриального развития явно не в фокусе властей. Если бы это было так, то, снижая ключевую ставку, Центральный банк писал бы не про то, что «мы надеемся, что денежная масса не будет дальше расти так быстро», а про то, что «мы осознаем, что для развития нашей индустрии ставка 11% – это слишком много и мы будем стремиться к существенно более низким ставкам».

Впрочем, у нас сильна надежда на то, что рынок в России все-таки есть и он сам сделает правильный выбор.